

Нурайна САТПАЕВА

РАССКАЗЫ

НЕТ ФОТОГРАФИИ

Дверь в кухню отворилась, и послышался голос Алика:

— Мам, имей в виду, я завтра никуда не пойду!

Жанна не обернулась, продолжила мыть посуду, и расслышала ли она сквозь шум воды слова сына, можно было догадаться только по внезапно окаменевшей спине и звону выскользнувшей из рук ложки.

В окне перед ней вместе с багрово-сизыми облаками медленно уплывал суматошный день за темнеющий парк, стиснутый со всех сторон бронзовыми от заходящего солнца высотками.

«Не хочет, и ни за что ведь не заставишь. Восемь лет, а уже характер показывает, упертый, весь в свекровь, — подумала она, вытирая руки вафельным полотенцем. — Мужу скажу, пускай сам разбирается».

Жанна прошла в гостиную, присела на диван рядом с Маратом и попросила:

— Слышал Алика? Поговорил с ним.

— Глупости все это, — не отрываясь от планшета, произнес муж. — Давай лучше в горы на Медео съездим, а то завтра в городе не протолкнешься.

В семье мужа праздник Победы отмечали заранее — восьмого мая, в день рождения деда. Рано утром Жанна пекла небольшие круглые, пахнущие кислинкой лепешки на теплом айране, накануне вечером выставленном из холодильника. Их непременно должно быть семь, чтобы раздать людям. Потом, прихватив свекра со свекровью, ехали на Кенсай — старое кладбище на предгорном холме, покрытом сочной густой травой, посреди которой торчали редкие, но цепкие, как морские крабы, кустарники. На входе свекровь покупала красные гвоздики, Жанна раздавала лепешки, и они пешком поднимались до могил, расположенных у самого края крутого обрыва. Там свекор, вздыхая и нахмутив седые колючие брови, молился, свекровь раскладывала цветы у надгробий деда и бабушки, Жанна — монеты, поскольку ни она, ни муж сур Корана не знали, и считалось, что люди помолятся за умерших, прежде чем брать деньги с могил.

В доме родителей их ждал скромно накрытый дастархан¹: пухлые румяные баурсаки², «Бородинский» хлеб, нарезанный тонкими ломтями, кружочки казы — конской колбасы, соленые огурцы и обязательно бутылка водки — все, как любил дед, по-военному. Тёрде — на почетном месте за столом, где обычно сидит свекор, висел дедов пиджак, пошитый из темно-зеленого сукна, с орденами и медалями. Каждого, кто приходил в этот день, угощали фронтowymi «ста граммами»...

Нурайна Сатпаева — выпускница КазНТУ по специальности «инженер-системотехник». С 2015 года слушатель Открытой литературной школы г. Алматы. Лонг-лист конкурса драматургии «Маленькая ремарка»-2017, «Баденвайлер»-2018, лауреат конкурса драматургии «Литодрама»-2018. Участница лаборатории «Драма.кз»-2017, 18-го Международного Форума молодых писателей России и зарубежья-2018, 14-го Форума детских писателей России и зарубежья-2018.

¹ Дастархан — накрытый стол.

² Баурсаки — обжаренные в масле кусочки теста.

— Чего молчишь? — спросил муж.

Жанна сидела с закрытыми глазами, и было непонятно — спит или обижена.

— С тебя пример берет, — тихо проговорила она. — Никогда меня не поддержишь.

— Алик! — позвал Марат.

— Что? — послышался голос из детской.

— Подойди!

— Сейчас!

— Быстро иди сюда!

В гостиную залетел Алик. Длинный, худой, его голова казалась большой из-за вытянутой шеи, торчащих ушей в копне непослушных волос, а сам он напоминал сайгачонка.

— Что?

— Завтра идешь с мамой!

— Нет! — уперся Алик, не глядя на родителей.

— Говори, в чем дело? — Марат навис над сыном.

— Да не хочу я с табличкой ходить. У всех портреты, а у нас табличка с фамилией!

Жгучий комок подступил к горлу Жанны.

— Без вас обойдусь. Одна пойду, одна! — она дернулась и скрылась в спальне.

Марат нахмурился, не зная, что делать.

— Ну вот, расстроили маму.

— Тимка дразнит. Говорит, нет фотки и орденов, значит, и доказательств нет. И еще, что мамин дедушка — плохой солдат, поэтому убили, а вот его прадед до Берлина дошел, а дедушка — генерал, — выпалил Алик, пытаясь во что бы то ни стало оправдаться.

Марат обнял сына, тот не сопротивлялся, хотя давно считал себя взрослым, наоборот, прижался к отцу, уверенный, что тот обязательно придумает, как с Тимкой разобраться.

— Твой Тимка — глупый. Мамин дед погиб на фронте, ничего не осталось. Раньше и снимались мало, откуда фотограф в ауле? Вообще без деда Гайсы не было бы ни тебя, ни мамы с дядей Канатом, ни Дюши с Эдиком.

— Никого-никого? Без Дюши запросто обойдусь, а вот без Эдика никак нельзя, — Алик вспомнил про двоюродных сестру и брата. Особенно как делали коллаж на день рождения мамы, и Дюша норовила свой портрет посерединке приклеить, но Алик тайком переделал, так и подарили: Алик в центре, остальные по кругу. Дюша обиделась и месяц с ним не разговаривала.

Жанна в этот вечер больше не вышла из комнаты, нацепила наушники и притворилась спящей, когда пришел Марат, но долго не могла заснуть, мысленно ругала мужа за черствость:

«Ему-то хорошо, своего деда застал, ходил с ним к Вечному огню, не то что я. Сколько раз просила, поедem в Волгоград, могилу поищем, написано же, погиб под Алексеевкой, так нет, ребенку на море надо, — и тут же досадовала на сына: — Где я фото найду, рожу, что ли?»

Проснулась в семь утра и почувствовала, как наушник больно впился в ушную раковину, затекла правая рука. Осторожно, стараясь не разбудить мужа, выскользнула из спальни.

Жанна собралась, с антресолей в прихожей достала табличку с прикрепленной внизу рейкой. Через слой пыли, словно сквозь плотную серую органзу, просвечивалась надпись крупным шрифтом: «Рядовой ГАЙСА ТАНАТАРОВ 04.1918 — 11.1943». Жанна принесла мягкую фланелевую тряпку и нежно, так же, как обтирала Алика после ванной, протерла от пыли. Ее карие, чуть раскосые глаза увлажнились, потемнели, лицо погрузнело. Бросив взгляд на часы, поспешила выйти из квартиры и даже не

заглянула к сыну, как обычно, не поцеловала, не вдохнула его родной, еще по-детски теплый запах.

Полк собирался на Старой площади в двадцати минутах ходьбы от дома, если идти прямо по Толе-би вдоль тихо журчащих арыков под высаженными когда-то вразнобой, но сейчас соединившими кроны карагачами с корявыми, шероховатыми на ощупь стволами, внушительными дубами, пахучими до одури акациями. Невысокие дома и здания будто прятались под ними от жары, постепенно проникающей в Алматы с наступлением мая.

Чем ближе Жанна подходила к месту сбора, тем больше на улице становилось людей. Они несли портреты, торопясь и переговариваясь, стекались к Старой площади.

Там уже гудела толпа, волновалась, выстраивалась в плотную колонну, возглавляемую военным оркестром. Впереди молоденький курсант нетерпеливо размахивал голубым флагом с большими желтыми кистями. За оркестром — две черные ретромашины с открытым верхом.

Жанна вдруг вспомнила, что забыла табличку, и проговорила:

— Что ты будешь делать!

— Что, что? Стой и жди! В первый раз, что ли? — послышался резкий голос, и перед ней появилась чудная старуха с белым, словно вымазанным мукой лицом, резко контрастировавшим с апельсиновыми волосами, сбитыми в плотный клоунский парик. Ее лакированный плащ кислотно-зеленой расцветки бил по глазам и отчаянно скрипел при малейшем движении.

— Табличку с именем не захватила, — объяснила Жанна. Увидев рядом мальчишку, похожего на Алика, загрустила. Вокруг все пришли компаниями, смеялись, весело болтали. Только она и старуха рядом были одни, да и та вертелась, вытягивала шею, высматривая кого-то.

— Подружка опаздывает. Говорила, приезжай ночевать, от меня поедем, не послушалась, — сказала старуха. — Одна, что ли?

— Да, муж с сыном не захотели.

— Муж — ладно, мужикам по выходным отдых требуется, а сына надо брать. Воспитывать. Сколько лет?

— Восемь. Стесняется без фотографии, с табличкой отказался приходить.

— Ишь ты! Стесняется, посмотри на него.

— Маленький, устанет, — принялась выгораживать Алика Жанна, ругая себя за болтливость.

— Вот еще! Маленький! Я в восемь лет уже корову доила, кормиться-то надо, — ее лицо сморщилось, как будто потрескалось. — Эх, — она махнула рукой и вдруг завопила: — Раечка, Раечка!

По обочине брела, подслеповато щурясь, растерянно оглядываясь, худенькая старушка. Увидев зеленый плащ, обрадовалась, засемила в их сторону.

— Чего так долго? — напустилась на нее старуха.

— Перекрыли, пришлось пешком два квартала идти.

— Ну, стой теперь здесь, держись за эту женщину, я сбегаю, узнаю, когда тронемся.

Солнце поднялось высоко, народу все прибывало и прибывало, над площадью жужжал дрон, и Жанна подумала, что сверху колонна наверняка кажется шевелящейся пестрой змеей, толстой, упругой, стремительно наращивающей хвост, а человек — всего лишь кожной чешуйкой.

Ей нестерпимо захотелось пить.

— За водой схожу, — сказала она Раечке.

— Не бросай меня, — взмолилась та.

Обе принялись высматривать зеленый плащ.

У правой обочины послышалось какое-то тарыхтение. По тротуару аккуратно ехал мотоцикл с коляской, над ним висел баннер с надписью «1941—1945. МОЖЕМ ПОВТОРИТЬ». За рулем сидел коротко стриженный мужчина в потертом кожаном жилете, с мясистыми руками, сплошь усыпанными блеклыми татуировками. Помятая серая футболка едва прикрывала яйцеобразный живот. Позади него — вертлявый, улыбочивый парень помельче, в косухе и «милитари» штанах, в коляске — хрупкая девушка в гимнастёрке и пилотке кокетливо откидывала голову назад, поправляя длинные волосы.

Раздался вопль:

— Стой, стой!

Жанна с удивлением увидела, что это кричит старуха в зеленом плаще.

Мотоцикл остановился, все трое обернулись. Старуха, отдышавшись, внезапно подпрыгнула, вцепилась в баннер и под треск рвущейся бумаги рухнула на землю грузным мешком.

Вертлявый парень на мгновение опешил, затем крикнул:

— Ты что делаешь, тварь?

Старуха перевернулась и, прикрыв телом упавший баннер, принялась раздирать его, да с таким остервенением, что все вокруг растерялись.

Мужчина с татуировками, пытаясь спасти остатки баннера, со злости пнул ее, та взвыла скрипучим голосом:

— Убивают!

Жанна и не помнила, как очутилась возле мужчины и что есть силы ударила сумочкой по спине, тот еще больше разозлился и толкнул ее. Она отлетела и локтем проехала по крылу переднего колеса, а головой ударилась о край коляски.

Из оцепления к ним бежали курсанты местного погранучилища.

— Что случилось? — строго спросил один из них.

— Бабка баннер сорвала, — буркнул мужчина с татуировками.

— Больная на голову, — пожаловалась девушка в пилотке. — По виду можно догадаться.

Курсанты смотрели на лежащую зеленым студнем старуху, не зная, что предпринять.

— Праздник, а она на людей кидается ни с того ни с сего, скандалистка, — сказал вертлявый парень.

И тут старуха подскочила к нему, затрясла баннером и заорала:

— Понаписали тут: «МОЖЕМ ПОВТОРИТЬ». Что повторить? Войну? Когда жрать нечего? Когда в детдоме за хлеб дерешься? И ночью отбиваешься от таких дебилов, как ты? А защитить некому! Мать с голоду померла, а отец без вести пропал, и могилы не осталось!

Толпа вокруг затихла.

Старуха показала на Жанну и продолжила:

— Вон у нее даже фотки нет, лица не видела! Спроси: хочет она повторить? Раечка, где ты? Вот ее отец с плена бежал, а потом десять лет в Сибири отсидел. Хорошо им было в подвале прятаться, когда все на парад шли? Недавно откопали в архиве, что партизанил, а толку? Жизнь-то тью-тью! На Берлин они собрались! Ваши деды не воевали, сразу видно. Я ничего не хочу повторять!

Она умолкла, принялась стряхивать пыль с плаща.

— Можно же просто сказать, а не нападать, — буркнул вертлявый парень.

Девушка сняла пилотку и начала оттирать зеленый плащ сзади.

— Не мой плащ, соседской дочки, — проговорила старуха. — Если бы отец был жив, носила бы я чужие обноски? И волосы бы красила не дешевой хной, а дорогой краской, и лицо тальком не мазала бы вместо пудры. А ты говоришь... Эх.

— Простите, — прошептала девушка.
— Когда двинемся? Сколько можно торчать? «Крыша» уже течет у некоторых, — наехал на курсанта мужчина с татуировками.
— Начальство выступит, возложит цветы, потом нас запустят, — ответил курсант.
— Скорее бы, — прошелестел вздох по толпе, и в это мгновение заиграл оркестр, взревели машины, Жанна подхватила под руку старуху в зеленом плаще, следом засеменяла Раечка, колонна двинулась вперед.
«Поеду в следующем году в Волгоград», — решила Жанна.
Музыканты наиграли знакомую мелодию из фильма, кто-то крикнул:
— Запевай! — и толпа нестройно присоединилась к оркестру.
Жанна тоже робко запела:

Горит и кружится планета,
Над нашей родиной дым,
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех — мы за ценой не постоим,
Одна на всех — мы за ценой не постоим...

Рядом заревела Раечка, затряслась старуха в зеленом плаще, но Жанна крепилась, потому что свекровь учила: плакать на людях и впадать в истерику — признак низкой культуры. Чтобы отвлечься, посмотрела по сторонам и заметила с краю один портрет, повернутый навстречу движению. Он двигался против течения, то исчезал в потоке, то выныривал, словно пловец в море, и все приближался и приближался. Уже было видно, что это коллаж, вдруг Жанна различила изображение Алика в центре и надпись «ГАЙСА ТАНАТАРОВ». В толпе мелькнуло лицо мужа.

— Марат! — крикнула она и стала продвигаться к обочине.

— Мама! — послышался голос Алика.

Жанна бросилась к ним, обняла и заплакала, теперь уже не сдерживаясь.

— Рука в крови. Что случилось? — встревожился муж.

— Ссадина, ничего страшного, — проговорила она.

— Mam, эта фотка прадеда Гайсы, потому что мы все на него похожи.

Жанна крепко сжала руку сына.

— Тимка во дворе увидел и засмеялся, кричит: «Подделка!» А дедушка-генерал сказал ему: стыдно! Потом честь прадеду Гайсе отдал и говорит: герой и еще что-то, я забыл!

— Пойдемте! — Жанна потянула их, очень хотелось догнать старуху в зеленом, Раечку, чтобы увидели, что и она не одна.

— В следующем году поедем в Волгоград, — сказал Марат, но Жанна не услышала его, подняла портрет и шагнула в строй.

НОВОГОДНИЙ СНЕГ

С утра обещали снег, но за ветровым стеклом по-прежнему висит густая мутная пелена, нехотя отступающая перед тусклым светом фар, чтобы обнажить бурую обледеневшую дорогу. На обочине чернеют корявые карагачи, пугают косматыми кронами. Тоня смотрит в унылое низкое небо и ловит себя на мысли, что последние лет пять просит на Новый год лишь снега, белого, хрустящего, и ничего больше. Она подъезжает к остановке и резко тормозит.

— Конечная! — объявляет Тоня для пассажира на заднем сиденье маршрутки. Из глубины салона доносится похрапывание. — Эй, слышь, выходи давай! — кричит она. — Это же надо так нажраться.

Пассажир просыпается, озирается по сторонам, продвигается к выходу. Его густые темные волосы, нещадно прореженные сединой, разлохмачены, очки в тонкой стальной оправе не скрывают опухших глаз. Мужчина вовсе не похож на алкаша, высокий, сухопарый, в строгом драповом пальто.

— Мне в город надо. Видимо, проехал свою остановку, — говорит он, придя в себя.

— Нечего спать в общественном транспорте. Идите домой и там спите на здоровье. А то развалится и храпят еще, — бурчит Тоня, поглядывая на часы.

— Простите за беспокойство. Когда следующий, не подскажете?

— Наверяд ли будет, через три часа Новый год как-никак. Лучше такси возьмите.

Мужчина выходит, лезет во внутренний карман пальто и в растерянности говорит:

— Портмоне пропало. И телефона нет.

— Конечно, пропадет, если спать всю дорогу. Украл небось, скажите спасибо, что не порезали, — в голосе Тони чувствуется равнодушие, и мужчина не решается просить помощи, дверь с жалобным щенячьим визгом захлопывается.

Тоня переключает передачу, выжимает до отказа газ, чтобы поскорее вернуться на базу. Раздается рев, колеса скользят по льду, маршрутка дергается, и повисает мертвая тишина. Тоня раз за разом проворачивает ключ в замке, с надеждой прислушиваясь к мотору, но всякий раз машина только зудит и глохнет.

Непонятно, в чем дело, то ли аккумулятор находился на последнем издыхании, и его пора менять, то ли стартер полетел. Давно жалуется начальству, но главный механик отмахивается, бюджет съеден, и раньше следующего года ничего не светит.

Наплывает темнота, и вместе с ней непотопляемая мерзкая тоска. Тоня выходит на дорогу. Огоньки развешанных на фонарные столбы гирлянд весело перемигиваются. Неподалеку стоит мужчина, согнувшись и пряча голову в воротник, и тоже голосует. Никто не останавливается, все спешат в Новый год, и никому нет дела до сиротливо притулившейся у обочины маршрутки и усталых, подмерзших людей.

Тоня глядит на мужчину, внутри шевелится неприязнь, ей вдруг хочется ударить его.

— Все из-за вас! Жди теперь, когда кто-нибудь остановится, чуть-чуть ведь не доехала до базы. И машину бросить нельзя, и телефон сел. Вот что делать?

Мужчина молчит, украдкой рассматривает ее, невысокую, полную женщину с угрюмым лицом, сливающимся с болотным свитером крупной вязки и такого же цвета пуховиком. Только ярко-голубая шапка с болтающимся из стороны в сторону заячьим помпоном выбивается из образа. Потом произносит:

— Простите. Я вчера прилетел, с утра мать хоронил. Всю ночь не спал.

Тоня, пытаясь скрыть раздражение, бурчит:

— Пусть земля будет пухом.

— Спасибо, — холод заставляет его время от времени потирать побелевшие уши, смешно шмыгать носом.

— Что же вы без шапки? — Тоня снимает свою, пышные каштановые волосы рассыпаются по плечам. — Возьмите, я капюшон накину.

Мужчина упрямо мотает головой.

— Значит, не местный. Зовут-то вас как?

— Георгий Сергеевич. А вас? — спрашивает он скорее из вежливости.

В ее голове проносятся неясные воспоминания, в глазах вспыхивают синие язычки, Тоня в замешательстве:

— Георгий Сергеевич? Я же Тоня Пригода. Не помните меня? Из восьмого «А»? Еще дразнились в классе: Пригода — живи три года.

Мужчина замирает, пристальнее всматривается ей лицо и восклицает:

— Тонечка? Ты изменилась. Прости, вырвалось. Впрочем, я тоже старый.

Тоня собирает пышные волосы в хвост, вновь распускает, горько смеется:

— Да. Тогда я была Тонечка — от слова «тонкая», а сейчас Тонька — от слова «тонна».

Георгий Сергеевич отворачивается, чтобы не выдать волнения, но все же, не утерпев, вновь бросает взгляд: все в ней изменилось, только глаза остаются прежними ярко-синими.

— Как поживаешь, Тонечка?

— Как, как? Хорошо! Муж, дочь. Зарабатываю неплохо. Раньше трамвай водила, пока депо не прикрыли, пришлось на такси пересесть. Но ничего, до пенсии осталось немного. Вы как? А вы были на Таити?

Она хохочет неожиданно звонко, он сдержанно улыбается.

— Да, помню, доводила меня этим вопросом. А я по распределению, первый год в школе.

— Ага, здорово злились. Еще когда говорила, какой же вы географ, даже на Таити не бывали.

Теперь смеются оба, Георгий Сергеевич оживляется от воспоминаний, машет сжатым кулаком и говорит:

— Стукнуть тебя готов был.

— Еще краснели страшно. Особенно когда открытку новогоднюю на столе нашли. Я написала.

— Догадался. Там заяц был нарисован с синими глазами... как у тебя. Да, было дело... Я сейчас в Питере живу, в университете преподаю. Как отучился в аспирантуре, там и остался.

— Семья? Дети? — спрашивает Тоня.

Георгий Сергеевич еще больше сутулится, ныряет в воротник по самые уши.

— Один. С мамой жил. Правда, она год назад сюда вернулась к брату. На родине помереть хотела, все арыки вспоминала, карагачи. Как чувствовала, — он умолкает, потом добавляет: — Рад, что у тебя все хорошо.

Сердце Тони бешено колотится, все, что годами хранила в себе, выплескивается наружу:

— Да ничего хорошего. Замуж-то я выскочила сразу после восьмого класса. А что делать? Залетела. На вечеринке, Витька, я не хотела. Кричала, кусалась. Никто не помог. Сидели в соседней комнате, смеялись. Пять лет назад муж по пьянке в арык свалился, захлебнулся, утонул в воде по колени, смешно. И стала я Тоней от слова «тонуть». Сейчас одна, дочь в Саратове живет.

Раздается визг тормозов, яркий свет раскалывает темноту, выхватывая двоих на обочине.

— Эй, тетя Тоня, ты чего тут стоишь? — из такси высовывается молодой парень.

— Да заглохла. Базик, будь другом, довези человека до города и нашим скажи, что тут застряла.

— Тороплюсь. Из машины позвоню. Садись, отец, — соглашается Базик.

Георгий Сергеевич жмет руку Тоне и говорит:

— Тонечка, спасибо тебе!

— Да не за что!

Он все не отпускает ее руки, как будто хочет что-то сказать, но не решается, в глубине карих глаз появляется непонятный блеск. Вдруг Георгий Сергеевич притягивает Тоню к себе, неловко целует куда-то в уголок губ. Ее обдает жаром, все уходит: и промозглая зима, и гул машин, остается только глухой стук сердца в неестественной тишине.

Машина осторожно трогается, Тоня ускоряет шаг, бежит и неожиданно детским голоском кричит вслед:

— Все, что в открытке написано, правда! Я любила вас, понимаете? Какой же вы глупый! Глупый учитель! — она поскользывается и падает навзничь.

Такси вспыхивает красным маячком, быстро теряется в потоке машин, Георгий Сергеевич смотрит в окно и бормочет:

— Не мог же я со старшекласницей. После аспирантуры приезжал, искал, а она за муж выскочила. Какая же глупая! Глупая девчонка!

И тут мохнатыми хлопьями валит снег, словно небо выворачивается наизнанку, падает и падает, прибывая смог, выбеливая черные узловатые ветки карагачей и фонарные столбы, обволакивая пуховым покровом лежащую на обледеневшей земле женщину. Ей тепло, она снова и снова вспоминает их первый и... последний поцелуй.